

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КАМЕННЫХ ПАМЯТНИКАХ В БАСАРАБИ

(Обл. Доброджа)

Своеобразный облик вскрытых за последние годы памятников на меловой скале в Басараби (бывш. Мурфатлар), примерно в 15 км на запад от Констанцы, резко отличающий их от остальных археологических открытий на территории РНР, вызвал живой интерес среди румынских и зарубежных ученых. Наряду с церковкой (В 1), двумя надгробными часовнями (Е 3 и Е 5), галереями и помещениями, вскрытыми летом 1957 г. и описанными в первом и единственном до сих пор опубликованном предварительном отчете о раскопках¹, в 1958 г. обнажили часть мелового массива, расположенного на западном краю холма, и впервые уточнили, что в X в. белая скала входила в комплекс большой мелоразработки. Осенью 1960 г., в связи с работами по укреплению и охране каменных памятников в Басараби, проводившимися Управлением исторических памятников, Институт археологии возобновил раскопки. Благодаря им обнаружили, что карьер по добыче мела, производившейся приблизительно тысячу лет тому назад, охватывал весь выступ холма, на котором за последнее время осуществлялись современные работы по добыче мела; в настоящее время из-за раскопок памятников они производятся на значительно меньшем участке. В ходе тех же раскопок вскрыли еще три церковки (В 2, В 3 и В 4), галерею и три могилы, высеченные в цельном меловом массиве, получившем из-за своей формы наименование массива-полуострова (см. ниже). На стенах этих памятников изваяны или высечены изображения и надписи (граффито), к которым мы еще вернемся.

В 1961 г. Институт археологии, сначала один, затем в сотрудничестве с Управлением исторических памятников, продолжил археологические раскопки. Удалось полностью обнажить памятники, отождествленные за год до того, а также участок древней разработки, находившийся в непосредственной близости к последним. В задачи исследователей входило и уточнение хронологического и стратиграфического соотношения между памятниками и меловой разработкой. В связи с этим изучили стратиграфическую последовательность отложений отвалов древнего карьера, вскрыли несколько погребений, выкопанных

¹ I. Barnea și V. Bilciurescu, *Şantierul arheologic Basarabi*, в «Materiale», VI, 1959, стр. 541—566. Краткое описание памятников, найденных

до конца 1960 г., будет опубликовано в журнале «Cahiers Archéologiques», XIII.

в слое отвала по обе стороны бывшей дороги к церковкам «массива-полуострова», и сделали целый ряд мелких открытий.

Ниже мы приводим ряд общих положений в связи со значением комплекса в Басараби, а именно: 1) мелового карьера и 2) каменных памятников, обнаруженных до настоящего времени в пределах карьера.

1. Прежде всего привлекает внимание *меловой карьер*, поскольку остальные памятники фактически являются его частью. Следует упомянуть, что это единственный меловой карьер, обнаруженный на территории РПР. Он простирается в длину на расстояние свыше 200 м и в ширину — примерно на 40 м, что превышает размеры нынешней мелоразработки, находящейся на склоне того же холма. К несчастью, следы древней мелоразработки были частично разрушены в ходе современных работ. Для разработки массива в X в. пользовались методом открытой добычи, применявшимся в греко-римских каменоломнях и мраморных карьерах². Почти такой же метод добычи применяли — также на территории Доброджи — в большом карьере известнякового камня в Аксиополе (Чернавода), восходящем к римской эпохе II—III вв³.

Согласно наблюдениям, сделанным до сих пор в Басараби, для разработки выбирали меловую площадку или террасу; ее очищали от земли, щебня и кусков отколившегося с поверхности мела и вырезали из нее квадратные глыбы размером приблизительно в $0,80 \times 0,40 \times 0,25$ —0,40 м. Хотя эти глыбы и были меньшие, чем в римскую эпоху⁴, переноска их представляла трудности, с одной стороны, из-за непрочности горной породы, а с другой — из-за ее водопроницаемости, увеличивавшей тяжесть. В результате проведенных в древности работ образовалась большая впадина в виде бассейна, глубина которого доходила до 10—15 м. В основном добыча осуществлялась на большой глубине, где мел содержал меньшие кремневых включений и был лучшего качества. Чтобы облегчить удаление меловых глыб из таким образом образовавшейся ямы, иногда в скале высекали дорожку, ведущую к ее подножью. В большинстве же случаев, из осколков делали насыпь, по которой можно было подниматься и спускаться к подножью холма. В обоих случаях, по мере углубления разработки на краях образовавшихся впадин (бассейнов) оставляли небольшие площадки на различной высоте и ступени, по которым можно было передвигаться сверху вниз, вследствие чего площадь разработки становилась чем ниже, тем меньшие (рис. 1). В некоторых случаях оставляли ступени и небольшие площадки на разной высоте даже вдоль стенки, ведущей из середины массива. В других же случаях, особенно когда следовали по линии естественной расщелины, стенка оставалась вертикальной на высоте от 4—5 до 15 м (рис. 1/1). По краям площадок, террас и ступеней, оставленных в меловом массиве по вышеуказанному и другим методам, на всем протяжении карьера местами оставляли либо толстые и высокие, либо тонкие и низкие стенки, иногда в виде балюстрад, в основном довольно неровных. Это показывает, что не может быть и речи о стенах жилого помещения, как это предполагали в первый год раскопок. Наилучшим доказательством того, что речь идет о древней меловой разработке, является несколько глыб, отесанных со всех

² R. Cagnat-V. Chapot, *Manuel d'archéologie romaine*, I, Париж, 1917, стр. 8—9.

³ Gr. Florescu, *Cariera romana de la Cerna-voda*, в AnD, XVII, 1936, стр. 33—46.

⁴ Ср. там же, стр. 39—40.

сторон или только в некоторых местах и не вполне отделенных от массива (рис. 1 и 2). Кое-где можно наблюдать, что со всех сторон отесанная глыба разбилась в момент отделения основания от массива, что помешало довести работу до конца. В одном месте, на несколько не вполне отделенных глыб набросали дру-

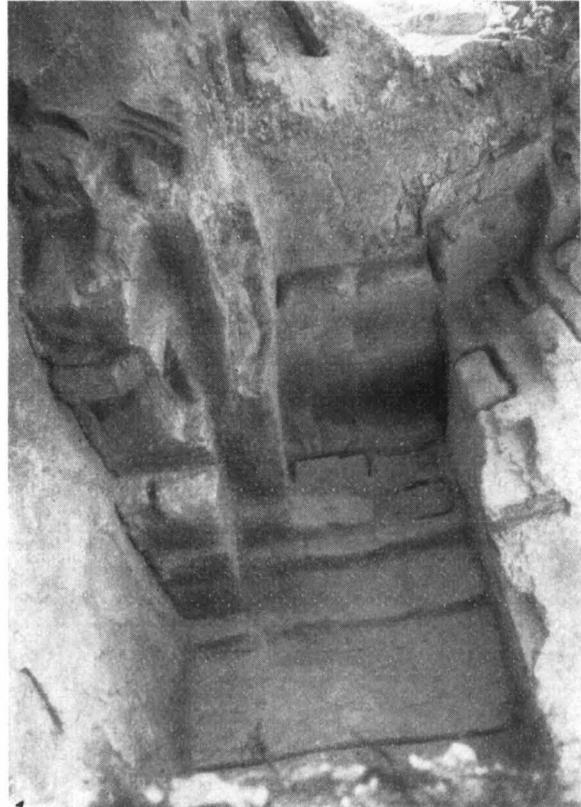

Рис. 1. — Виды мелоразработки. 1, на север от церковки В 1; 2, к западу от массива-полуострова.

гие, отесанные со всех сторон; впоследствии их должны были удалить, однако этого не случилось (рис. 2/2). Почти повсюду верхняя поверхность площадок, с которых сняли глыбы мела, сохранила ясные следы их оснований. Местами эту поверхность избороздили непрерывные параллельные канавки шириной в 0,07—0,08 м и глубиной в 0,10—0,15 м, высеченные киркой или особым железным топором. Они указывают на начало отделения следующего ряда глыб (рис. 1/1; 2/2).

Оставшиеся после разработки ямы по большей части или целиком наполнены мелкими меловыми осколками и булыжником разной величины, образовавшимися при отесывании в самом карьере или отколомившимися от вышерасположенных памятников. Как правило, яма заполняется осколками, образовавшимися при разработке в другой яме или на вышерасположенной соседней площадке. Это, с одной стороны, облегчает трудовой процесс, а с другой — доступ к месту разработки. На слоях, заполняющих ямы и образовавшихся при

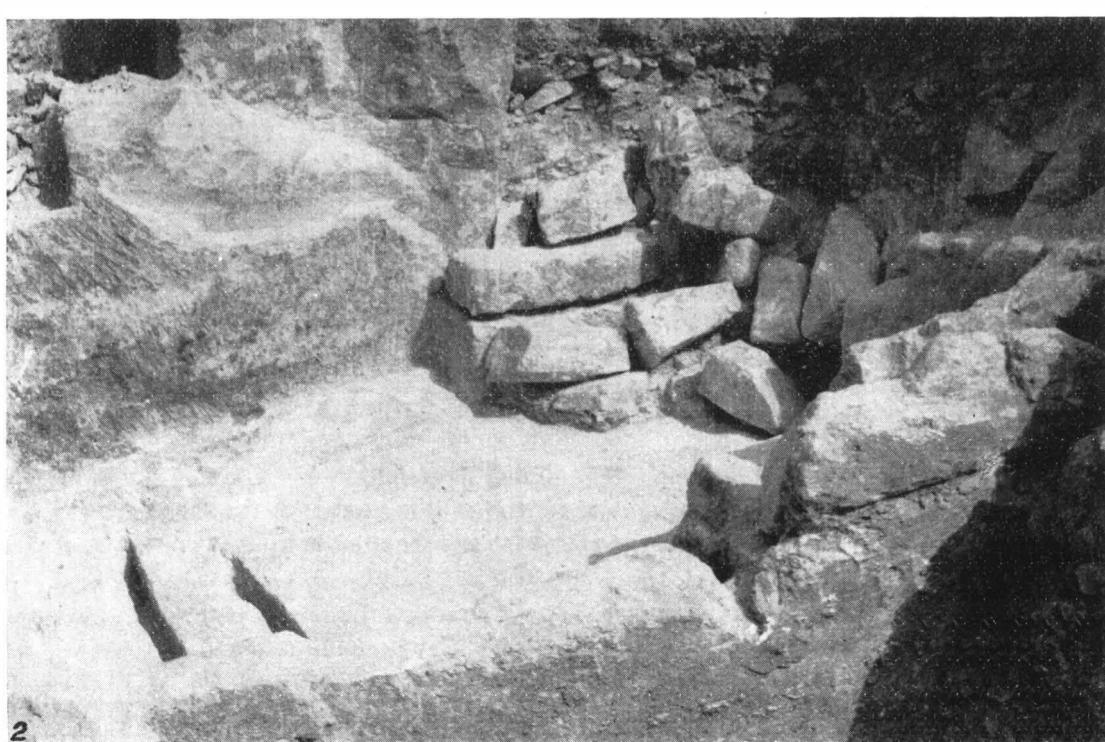
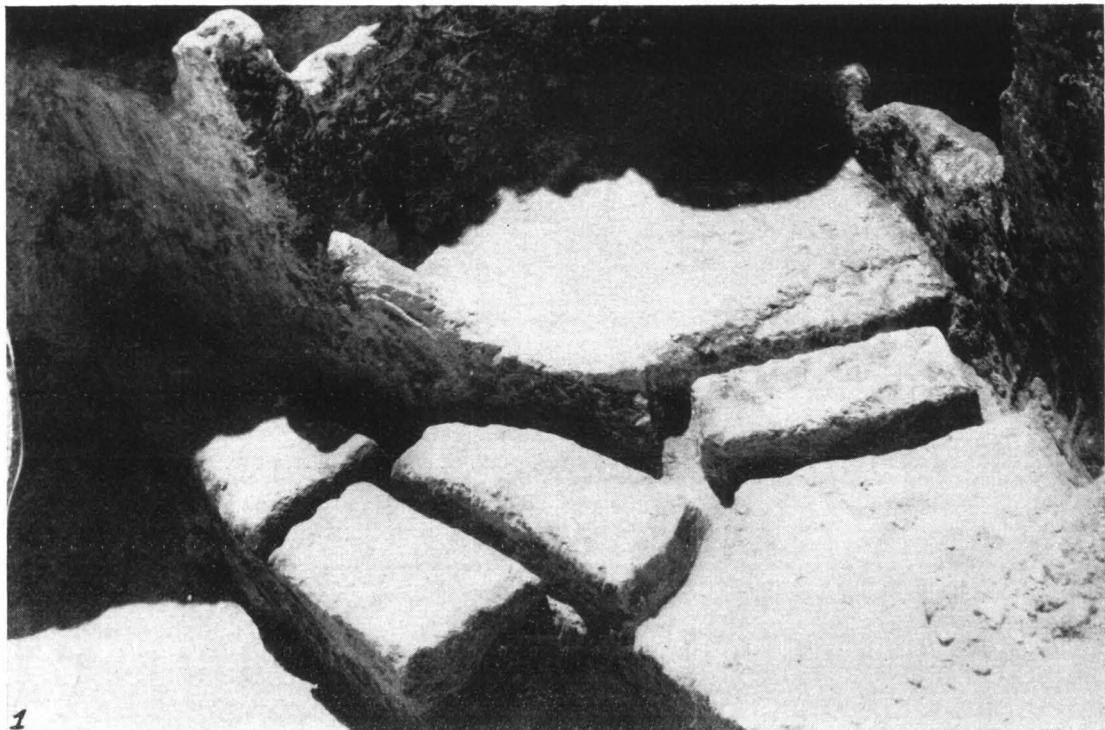

Рис. 2. — Сектор F. 1, глыбы, почти полностью отделенные от скалы; 2, площадка с бороздками, подготовленная для вырубки глыб (слева); наваленные глыбы (справа).

разработке, со временем отложились другие слои мела, земли и щебня, осыпавшиеся сверху или занесенные потоками дождевой воды по крутым склонам холма. За последнее время этот процесс покрытия был дополнен в ходе современной разработки: с целью разработки массива прежде всего приступили к его обнажению на определенных участках, при этом другие участки, особенно у подножия холма, засыпались землей и обломками, собранными при расчистке подлежащих разработке участков скалы.

Наряду с вышеописанным приемом иногда выбирали стенку с более равномерной поверхностью; при помощи тех же орудий от нее отделяли глыбы указанной величины в горизонтальном или вертикальном направлении. В тех случаях, когда грани массива или большой глыбы были прямыми и ограничены гладкими сторонами, предпочитали вырезать глыбы из них, поскольку для этого надо было меньшие отесывать и, следовательно, требовалось меньшие усилий и времени. Впадины, оставшиеся в вертикальных или наклонных стенках массива после высечения из них глыб, напоминают ниши, по размеру которых можно судить о количестве высеченных глыб (рис. 3).

Местами на гладких белых стенах мелоразработки изваяны или высечены различные знаки и изображения. Их сделали рабочие во время работы. Так, в одном месте в своеобразной перспективе изображен конь, везущий телегу (рис. 4/1). Между конем и телегой нарисован сапог, по-видимому заменяющий изображение всадника. В связи с этим надо заметить, что — реже на стенах карьера и чаще на стенах памятников — повторяется изображение отдельного сапога, двух сапог и даже нескольких сапог вместе. Надо предполагать, что они заменяют более трудно выполнимое изображение человека.

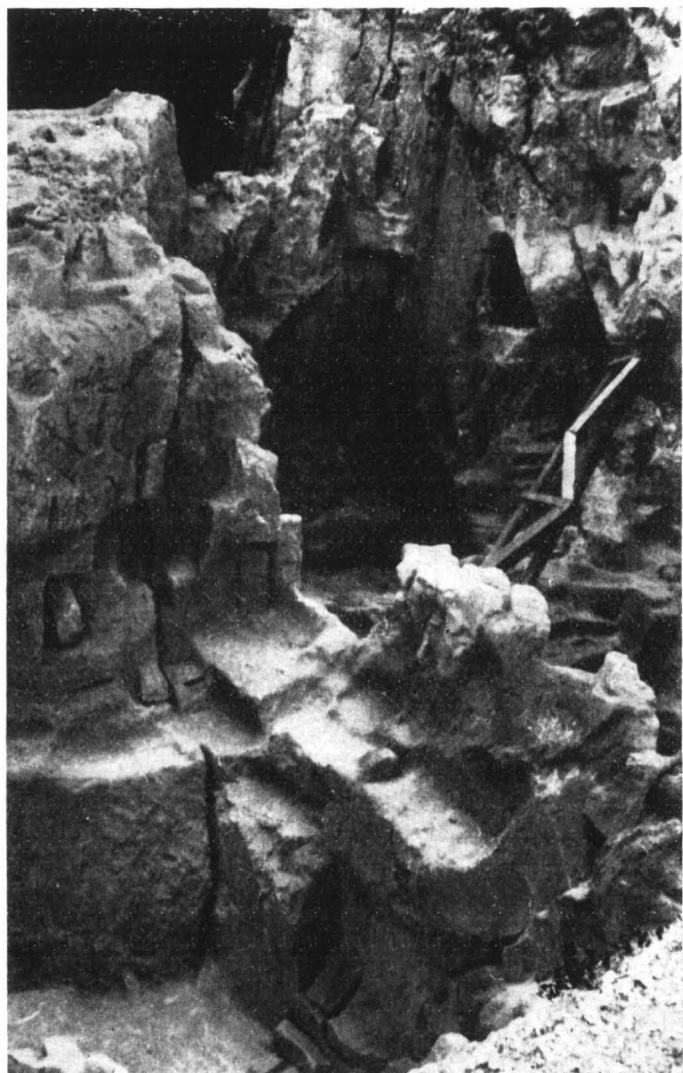

Рис. 3. — Глыбы, отделенные по вертикальной линии на западной стороне массива-полуострова; справа — вход в склеп С.

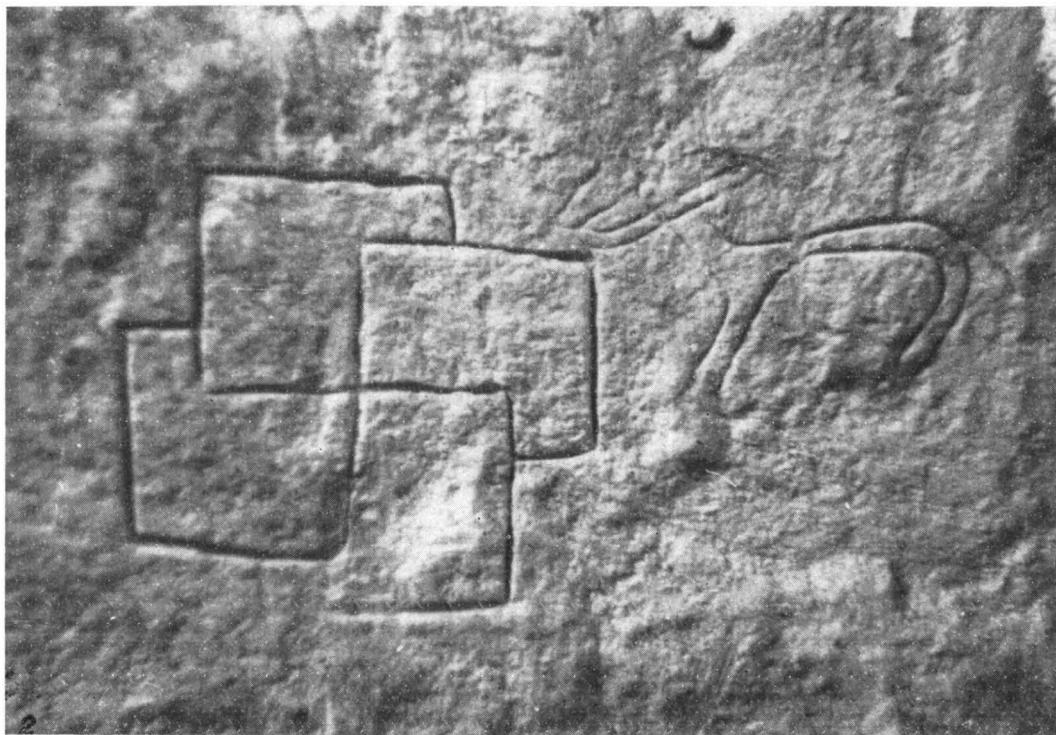

Рис. 4. — 1, лошадь, сапог и телега; 2, осел, перед мордой которого находится сложный крест с загнутыми концами.

Недалеко от рисунка, изображающего коня и телегу, на северной стенке впадины (бассейна), к северу от церкви В1, имеется изображение осла в упряжки, перед которым высечен сложный крест с загнутыми концами (рис. 4/2). На восточной стороне «массива-полуострова» изображен олень (рис. 5), на северной стороне, недалеко от северо-восточного угла — олень с козулей и всадник, а на другой стене, к западному концу карьера — вероятно также олень, преследуемый мужчиной в кольчуге и остроконечном шлеме⁵; перед ними бежит собака (рис. 6). На стене с восточного края карьера видна фигура человека с паликой в руке. Хотя это лишь набросок, художнику удалось передать движение изображенного им мужчины (рис. 7). Около стены в меловом массиве сделана скамейка, напоминающая скамейки в наших современных парках. На некоторых меловых глыбах, после их отделения от массива, долотом высечен знак, также напоминающий греко-римский обычай⁶, бытующий и до наших дней в соляных копях⁷.

В толстом слое, заполняющем древний карьер, среди плотной пыли и более или менее крупных кусков мела нашли различные предметы. Особенно интересны железные кирки и топоры — орудия, применявшиеся при добыче мела. Уже в ходе первых раскопок обнаружили железный заступ на меловой площадке в помещении, отмеченном буквой Е2⁸. При раскопках 1961 г. нашли и два железных огнива. Все железные изделия в очень плохом состоянии из-за сырости, в которой они находились в течение примерно тысячи лет.

Особую группу составляют мелкие предметы из мела. В их число входят многочисленные прядильные пряслица (рис. 8), предметы в форме усеченного конуса или пирамиды, напоминающие грузила для неводов или вертикальных ткацких станков ранних феодальных поселений, несколько предметов похожих — по величине и форме — на куриное яйцо и украшенных врезанным орнаментом, напоминающим узоры на современных писанках (рис. 9/1), а также крестик (рис. 9/2), небольшая форма и т.п. Статуэтка высотой в 0,20 м, грубо высеченная из куска мела, является, по-видимому, имитацией надгробных статуй, весьма распространенных среди тюркских народностей и известных под именем «каменных баб» (рис. 10)⁹.

В отвалах древнего карьера найдены и фрагменты керамики. По сравнению с огромными размерами отвалов, в которых они находились, число их незначительно. Будучи одинаковой во всех слоях, вплоть до основания разработки, керамика представляет большую ценность не только потому, что она позволяет датировать карьер X веком, но и потому, что она свидетельствует об его едином характере. Как внутри памятников (церковках, галереях, различных помещениях), так и вокруг них, над отвалами карьера, где найдено большое количество глиняных изделий, они имеют в основном одинаковую форму и фактуру. Это также доказывает синхронность карьера с памятниками, высеченными в том же массиве¹⁰.

⁵ Ср. А. Н. Кирпичников, *Русские шлемы X—XIII вв.*, в SA, 4, 1958, стр. 47—69.

⁶ R. Cagnat-V. Chapot, ук. соч., стр. 10—11.

⁷ T. Burada, *Despre crestăturile șangăilor pe droburile de sare de la Tg. Ocna*, в RIAR, III, V, 1, 1885, стр. 173—174.

⁸ I. Barnea-V. Bilciurescu, ук. соч., стр. 553, рис. 19.

⁹ I. Barnea, *Idol feminin sau «kamennaya baba»?* в SCIV, XIII, 1962, стр. 191—196.

¹⁰ Он же, *Ceramica din cariera de cretă de la Basarabi (reg. Dobrogea)*, в SCIV, XIII, 1962, 2, стр. 349—371.

Еще не решенным является вопрос об использовании меловых глыб в X в. Они не были пригодны для возведения стен на открытом воздухе из-за недостаточной сопротивляемости и гигроскопических свойств горной породы. Для постройки некоторых памятников на том же холме, правда, использовали указанный материал — как для возведения внутренних стен, так и наружных. Но для этих стен мел употребляли в сравнительно небольшом количестве, либо

в виде глыб неправильной формы, либо — особенно для внутренних стен — в виде кирпичей обычного размера, равномерно отесанных и связанных меловым цементным раствором. Никогда не употребляли глыб, равных по своим размерам тем, которые находились в карьере и, вероятно, предназначались для больших работ общественного характера. Согласно некоторым наблюдениям, еще требующим проверки в ходе археологических раскопок, высеченные глыбы употребляли для возведения участка большого каменного вала, простирающегося примерно от одного до нескольких километров к северу — северо-востоку от мелоразработки¹¹. Вероятно, материал

Рис. 5. — Олень, изображенный на восточной стороне массива-полуострова.

перевозили с места на место, большей частью, в лодках, по ныне заброшенной долине Кара-Су, доходящей до подножия меловой скалы. Подтверждение гипотезы об использовании меловых глыб для возведения каменного вала привело бы, с одной стороны, к решению интересующего нас вопроса в данном случае, а с другой стороны, позволило бы датировать сам вал, по-видимому возведенный или перестроенный византийцами в X—XI вв. Во всяком случае, размеры карьера показывают, что в меловой скале Басараби находилась большая разработка, а для данной эпохи это означает существование хорошо организованного государства. Работа проводилась по заказу, с точно определенной целью и в течение непродолжительного времени. Учитывая все это и судя по классической системе разработки, можно прежде всего предположить, что речь идет о следах карьера, относящегося к тому времени, когда Добруджа в качестве фемы Паристрион (Парадунавон) составляла часть византийской империи, возможно в эпоху правления Иоанна Цимисхия или Василия II Болгаробойцы. Подобному предположению противоречит отсут-

¹¹ Наблюдения П. Дьякону в пункте «Вали Сякэ» и И. Барни в части вала, расположенной на

север и северо-восток от села Басараби.

ствие монет и достаточного количества византийских элементов, в частности надписей на греческом языке. Однако наличие как одних, так и других не является совершенно необходимым в мелоразработке, в которой работало поделастное, этнически смешанное население. Окончательный ответ на этот вопрос даст

Рис. 6. — Рыцарь, держащий на поводу оленя; перед ними изображена собака.

исследование следов недавно открытого, но еще не отождествленного поселения, на котором обитали многочисленные каменотесы мелоразработки и которое, по предположению, находилось где-то поблизости от нее.

2. Большой интерес представляют высеченные в меловом массиве *памятники* с изображениями, надписями и знаками, вырезанными или изваянными на их стенах. Расположение этих памятников указывает на их тесную связь с мелоразработкой. Каменотесы намеренно оставили некоторые участки массива, в которых высекли церковки, галереи, жилые помещения, склепы и простые могилы. В этом отношении особенно показателен меловой массив в виде большого неправильного куба со сторонами около 9,50 м, находящийся против церковки

Рис. 7. — Человек, опирающийся на палку.

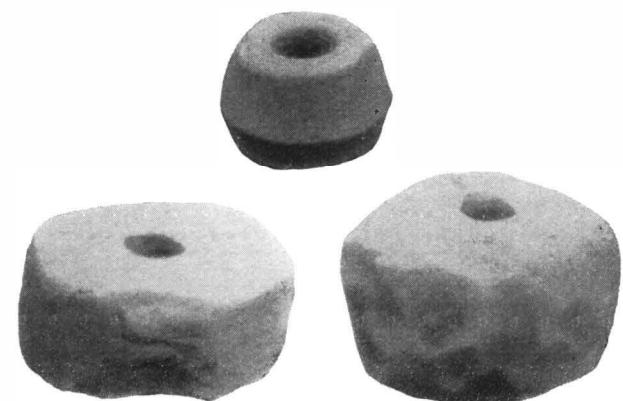

Рис. 8. — Пряслица из мела.

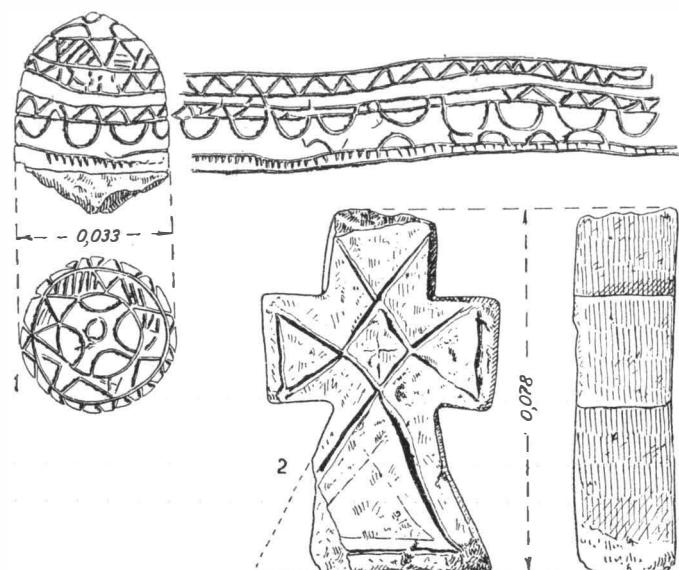

Рис. 9. — Предметы, вырезанные из мела.
1, крашенное яйцо; 2, крестик.

В 1 и склепа С 1—С 2 и связанный полосой в 3 м длины и 2—3 м ширины с расположенным за ним меловым холмом, вследствие чего его и назвали «массивом-полуостровом». Этот массив был обтесан со всех сторон, внутри его вырублены три церковки, одна над другой, столько же относящихся к ним могил и галерея, по которой можно подняться до площадки массива. Жилище из неровных меловых глыб — до сих пор единственное в своем роде на поселении, — несколько очагов над отвалами карьера, а также семь могил к северо-западу от «массива-полуострова», вырыты в отвалах, указывают, по-видимому, на другой этап, более поздний, чем карьер. Все же их надо считать более или менее синхронными и тесно связанными с карьером, рабочие которого обычно ступали по отвалам, нарочно ими же сделанным. В связи с этим упомянем, что ко всем высеченным памятникам можно было подойти, ступая по отвалам с остатками отесывания в карьере. В некоторых местах высота отвалов превышала 10 м. Фрагменты керамики и сходные, даже тождественные, рисунки и знаки, находящиеся как в карьере, так и на стенках памятников указывают на тесную связь между последними и разработкой.

Среди указанных памятников наибольший интерес представляют открытые до сих пор шесть церковок; по крайней мере половина из них носит характер надгробных часовен. Как план, так и архитектурные формы, которым подражают церковки, указывают, с одной стороны, на византийское влияние, а с другой — на сохранение пережиточных характерных элементов греко-римского и древнехристианского искусства. Так, план и внутреннее подразделение некоторых церковок, высеченных в меловом массиве говорят о мастерах-знатоках византийского искусства той эпохи. Верхняя часть входов и вообще пролетов во всех памятниках мелоразработки Басараби имеет более или менее дугообразную форму. Потолки прямоугольных церковок и галерей имитируют полуцилиндрические своды, а потолки помещений квадратной или неправильной формы обычно слегка сводчаты. В месте скрещивания двух галерей заметна имитация «крестообразного» византийского свода. Другие элементы архитектуры, скульптуры и резной орнамент также отражают сильное влияние византийского искусства. Упомянем здесь изображения святых или молящихся в византийских одеяниях (рис. 11), а также ряд изображений креста и т.п., свидетельствующих о том же источнике вдохновения. Несколько сосудов из глины и каолина, покрытые или не покрытые глазурью, иногда покрытые тонким слоем красноватой или каптановой краски, если и не происходят непосредственно из Византии, то во всяком случае являются имитацией византийской керамики —

Рис. 10. — Фигурка из мела.

наследницы и в этом отношении более древней греко-римской традиции (рис. 12).

Более интересным и неожиданным является наличие некоторых форм позднеримского и древнехристианского искусства, уже более не встречающихся

Рис. 11. — Фигурка святого, высеченная на западной стене нефа церковки В 4.

или редко встречающихся в византийском искусстве того времени. В частности, они наблюдаются в надгробных часовнях. Так, один из подобных памятников (В 3) прямоугольной формы, заканчивающийся в южном конце почти круглой апсидой, служившей алтарем, напоминает прежде всего римские здания, выстроенные по тому же плану и заканчивающиеся ротондой¹². Кроме того, он напоминает некоторые церкви в Малой Азии¹³. В полу, по обе стороны от алтаря, высечены три прямоугольные выемки, вероятно служившие небольшими резер-

¹² A. Grabar, *Martyrium*, I, Париж, 1946, рис. 30.

¹³ G. de Jérphanion, *Les églises rupestres de Cappadoce*, I, Париж, 1925, табл. 28 и passim;

Ch. Delvoye, *Chronique archéologique: Découvertes en Cappadoce*, в «Byzantion», XXIX—XXX, 1959—1960, стр. 335.

вуарами (Фалакориды); они были известны в древнехристианский период и служили для литургических омовений, происходивших внутри алтаря в определенные моменты службы¹⁴. Самая большая церковка (В 4), размерами примерно в 7×3,50 м, имитирует план базилики. С правой стороны пристроен сообщающийся с ней склеп, высеченный в том же меловом массиве. Храм напоминает *basilica extramurana* в Аксиополе (Чернаводе), с аналогичной пристройкой с той же стороны¹⁵ и множество других христианских храмов IV—VI вв. н.э. с пристроенными мавзолеями¹⁶. На левой стене той же церковки (В 4) нарисован план базилики с тремя нефами и притвором (нартекс), характерный для V—VI вв. н.э. В одной из надгробных часовен (Е 5) балюстрада, отделяющая алтарь от остального помещения, имеет вид и размеры *cancelli*, встречающихся в базиликах IV—VI вв. Притвор другой надгробной часовни (Е3) также имитирует своим расположением вне оси всего комплекса и пропорциями размеров некоторые базилики V—VI вв., открытые в Добрудже¹⁷ и в Греции¹⁸. Внешний притвор той же часовни в виде апсиды сходен с «контрапсидами» древнехристианских базилик Северной Африки, Испании и Далмации¹⁹. Наличие скамьи, высеченной в меловом массиве у основания полукруглой стены контрапсиды, подтверждает предположение, согласно которому подобные помещения служили для заупокойной литургии²⁰. Отсутствие одного или нескольких погребений внутри контрапсиды в Басараби объясняется малыми размерами последней.

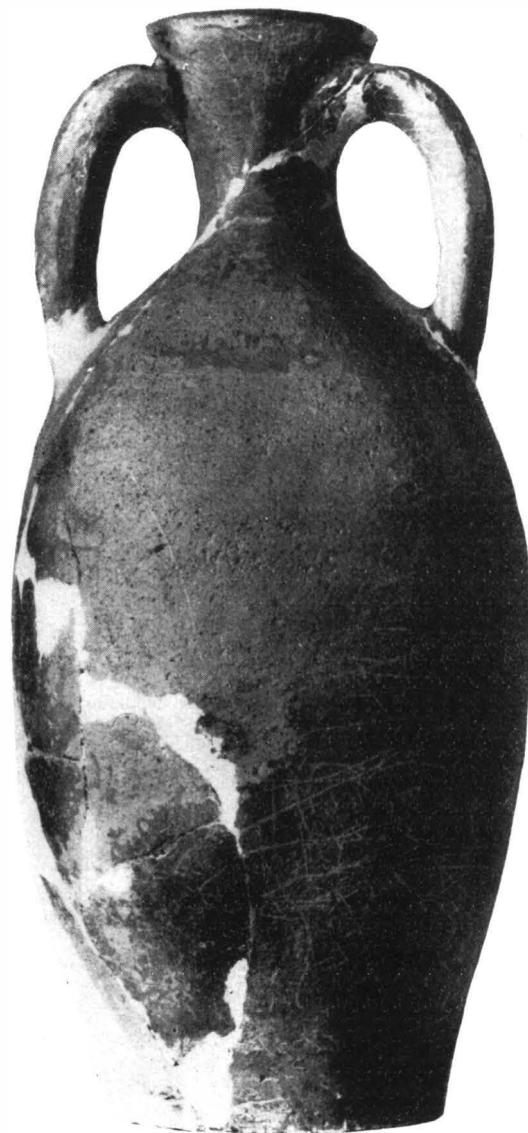

Рис. 12. — Кувшин римско-византийской традиции.

¹⁴ D. Pallas, Ή. Θάλασσα τῶν ἐκκλησιῶν, Афины, 1952, *passim* и A. Orlando, Ή. ξυλόστεγος παλαιού χριστιανική βασιλική τῆς Μεσογείων Λεκάνης, II, Афины, 1954, стр. 469—471.

¹⁵ R. Netzhammer, Die christlichen Altertümmer der Dobrudscha, Бухарест, 1918, стр. 38.

¹⁶ A. Grabar, ук. соч., стр. 488—493.

¹⁷ Paul Nicorescu, Les basiliques byzantines de Dolojman, в BSH XXV, 1, 1944, табл. VI.

¹⁸ A. Orlando, ук. соч., I, Афины, 1952,

стр. 137—138.

¹⁹ P. Testini, Archeologia cristiana, Рим, 1958, стр. 585—586. Ср. A. K. Orlando, Τὸ ἔργον τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἐταιρείας κατὰ τὸ 1960, Афины, 1961, стр. 123 и след., рис. 136—137.

²⁰ P. Romanelli, La basilica cristiana nell'Africa settentrionale italiana, в Atti del IV Congresso internazionale di archeologia cristiana, I, Рим, 1940, стр. 247—250.

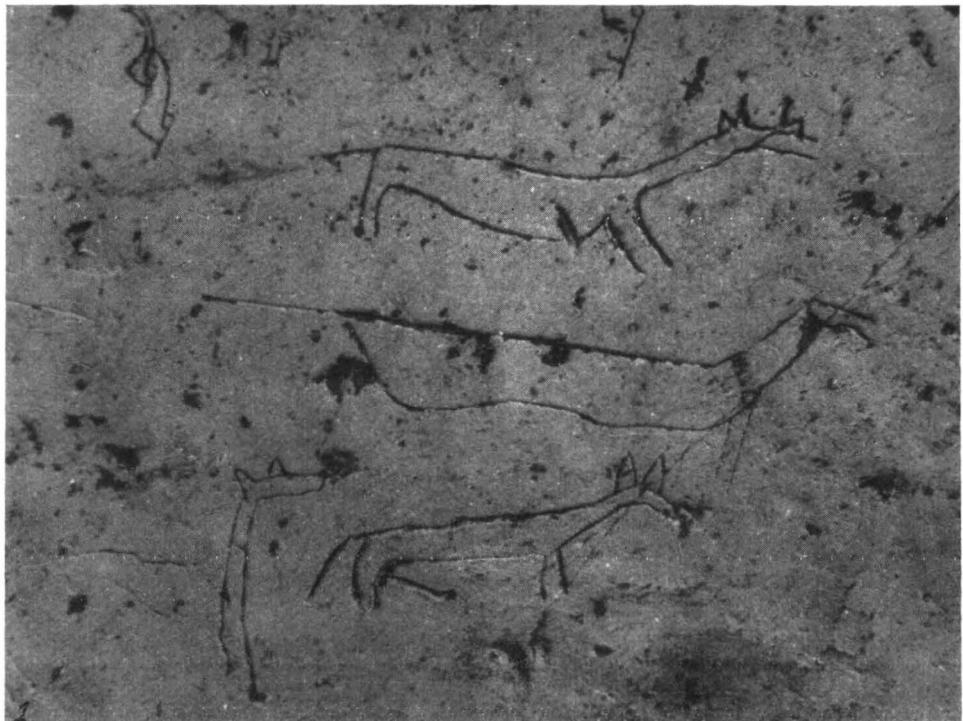

Рис. 13. — Лошади и собаки (?), изображенные на стенах склепа С I.

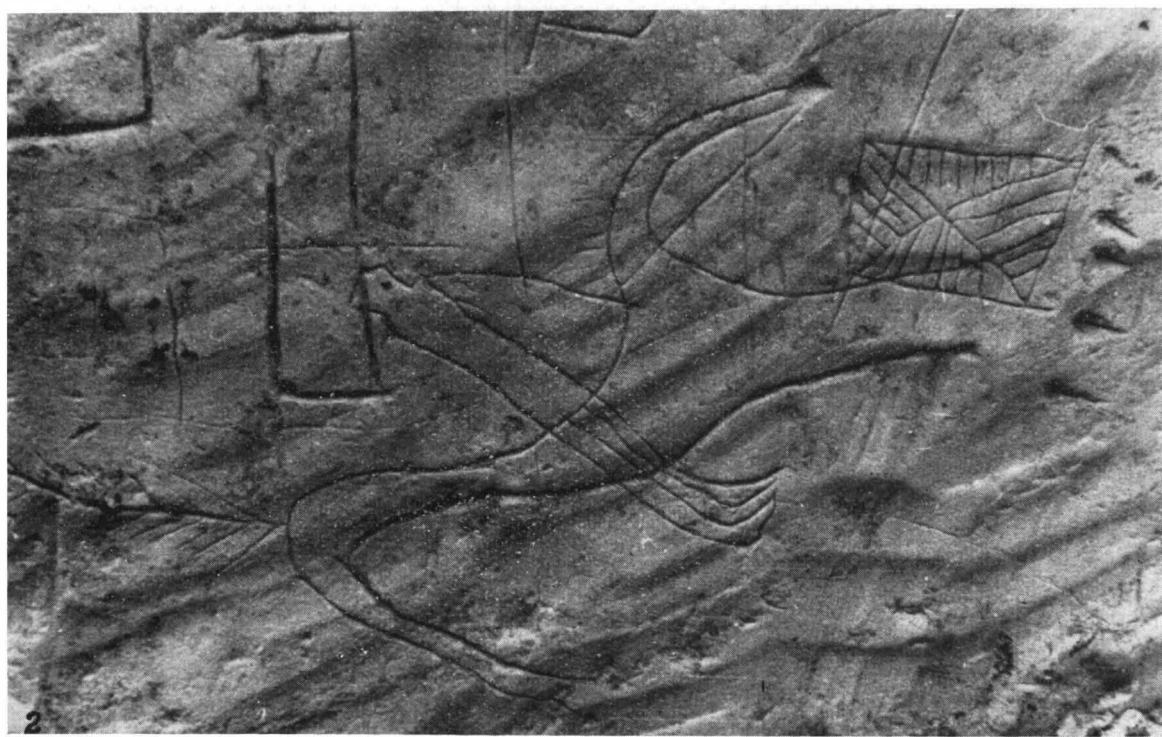

Рис. 14. — Рисунки, изображающие лошадей и собак (?). 1, в склепе С 1; 2, в церковке В 3.

Впрочем, и в древнехристианских базиликах Северной Африки контрапсиды без могил, по-видимому, многочисленнее чем с могилами²¹.

Продолжением более древней традиции являются также надгробные галереи, напоминающие катакомбы первых веков н.э. с могилами, сделанными

Рис. 15. — Драконы на южной стене склепа С 1.

в полу или в стенках. Единственная могила (М 13), высеченная не в длину, а в глубину, в стене погребального помещения, напоминает расположение могилы в виде печей в катакомбах Палестины, Сирии и Египта.

Среди многочисленных крестов, украшающих стены памятников, есть кресты, которые можно было бы, судя по их форме, с наибольшей достоверностью отнести к V—VI вв., а не к X в., которым они датируются. На меловой глыбе, весьма вероятно из стены церковки В 2, видно изображение рыбы, характерное, как известно, для первых веков христианства.

Все эти элементы древнего искусства выдвигают вопрос о существовании местной народности, которая сохранила их в формах, бытовавших несколько веков тому назад. В свою очередь, эта народность передала их новоприбывшим племенам, с которыми она соприкасалась. И в этой области до сих пор неизвестно связующее звено, отсутствующее и в сведениях о других памятниках материальной культуры X в., уходящей корнями в культуру римской провинции первых веков нашей эры. Первым шагом к изучению материальной культуры Добруджи в период VI — X вв. являются спорадические находки, относимые к VII—IX вв., среди которых есть византийские монеты и печати.

Особую категорию изображений на стенах памятников в Басараби составляют многочисленные изображения коней. В некоторых местах появляются и

²¹ P. G. Lapeyre, *La basilique chrétienne de Tunisie*, там же, стр. 180—181.

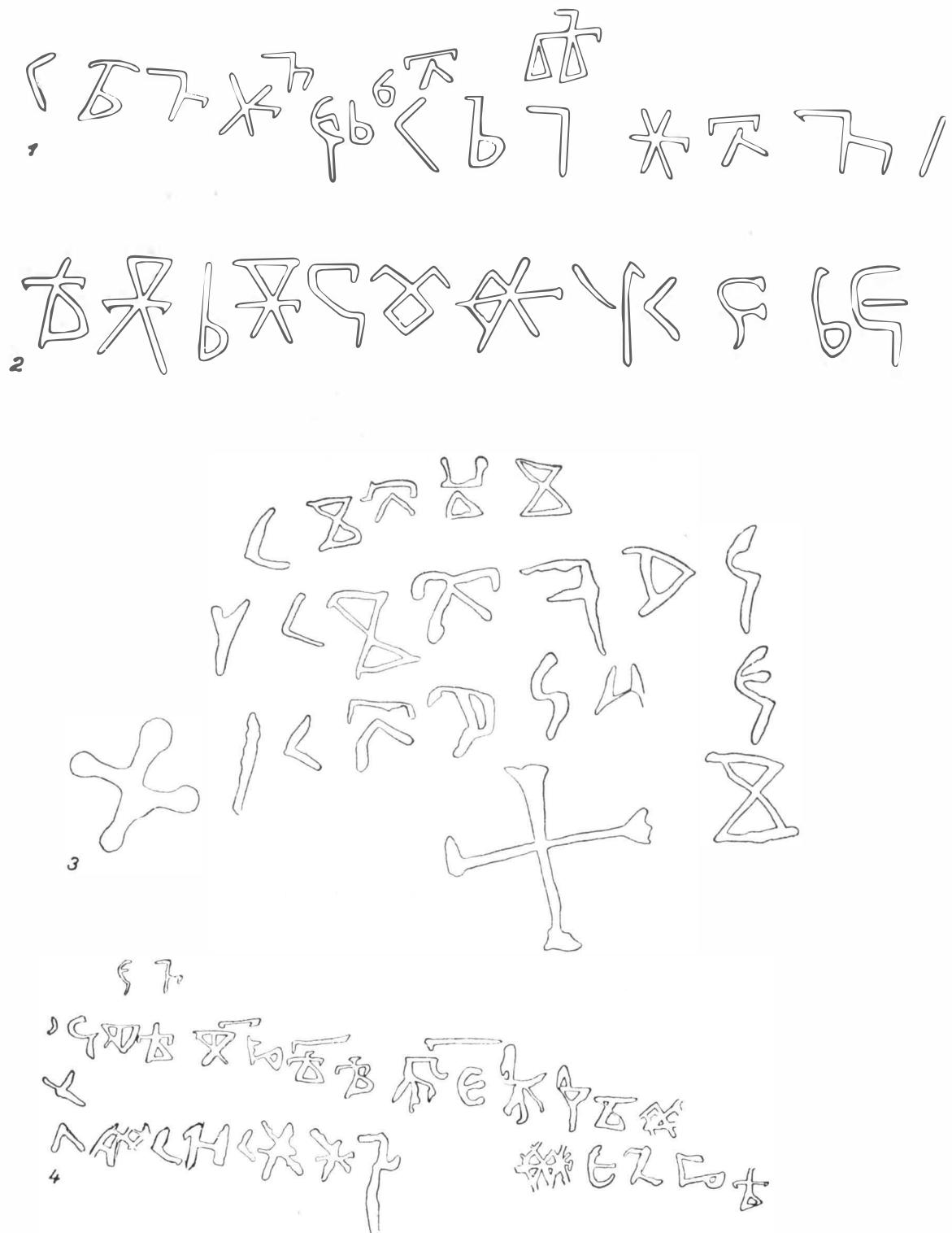

Рис. 16. — Рунические надписи на стене пронаоса церковки В 1 (1, 2), на левой стороне входа в церковку В 4 (3) и на обломке столба из церковки В 4 (4).

Рис. 17. — Надписи, сделанные кириллицей, из церковки В 2 (1) и В 4 (2—3).

фигуры всадников. Чаще всего, однако, на стенах церковок, на стенах двух до сих пор вскрытых склепов и на стенах галерей высечены многочисленные изображения коней разной величины и в различных положениях: в обычном положении, или с повернутой назад головой, бегущих рысью, скачущих на двух ногах и т.п. (рис. 13). Рисунки выполнены иногда в натуралистическом стиле и довольно удачны; в большинстве же случаев они совершенно схематичны или едва намечены и не закончены.

Частое изображение коней указывает на присутствие степной народности с собственными обычаями и культурой, бытавшей, вероятно, в степях Северного Причерноморья, где также встречаются подобные изображения²². Эта народность оставалась кочевой до последнего момента и восприняла христианство незадолго до создания памятников. Изображение коней на стенах храмов и склепов объясняется сохранением древних языческих обычаем кочевого племени, возможно ритуального, обрядового характера (захоронения коней и т.д.). Дальнейшее исследования и особенно расшифровка рунических надписей (о которых идет речь дальше) покажут, была ли эта народность — вероятнее всего тюркского происхождения — болгарской или печенежской.

Другая категория изображений, а именно фантастические фигуры драконов с переплетающимся телом, повторяющиеся много раз на стенах склепа, отмеченного буквой С (рис. 15), два раза на стенах часовни Е 5 и один раз на стенах нартекса церковки В 4, указывают на влияние, даже на присутствие народности северного происхождения²³. Это подтверждается и антропологическим исследованием двух костяков, найденных на полу погребального помещения С 1²⁴. Напомним при этом, что в ходе археологических раскопок в Динонгетии-Гарвэне был раныше найден позолоченный бронзовый язычок ремня, с частично зооморфным плетеным узором, частично растительным. Эта находка связана с торговым путем, соединявшим скандинавские страны с Константинополем и известным под именем «великого водного пути из Варяг в Греции»²⁵.

²² Н. Е. Макаренко, *Маяцкое городище*, в ИАК, 43, 1911, стр. 13, рис. 7; стр. 19, рис. 15; стр. 28, рис. 29; стр. 29, рис. 30; ArchHung, XVI, 1935, стр. 46; MIA, 34, 1953, стр. 134, рис. 25 и MIA, 62, 1958, стр. 46, рис. 32. Для аналогичных изображений в азиатских степях, см. например: П. П. Хороших, *Наскальные рисунки на горе Манхай II (Кудинские степи)*, в KS, XXXVI, 1951, стр. 191—195. Ср. Люба Огненова, *Рисунки на конницах върху вътешната крепост на Преслав*, в «Разкопки и проучивания», IV, София, 1949, стр. 195—206 и R. Demangel-E. Mamboury, *Le quartier des Manganes et la première région de Constantinople*, Париж, 1939, рис. 35.

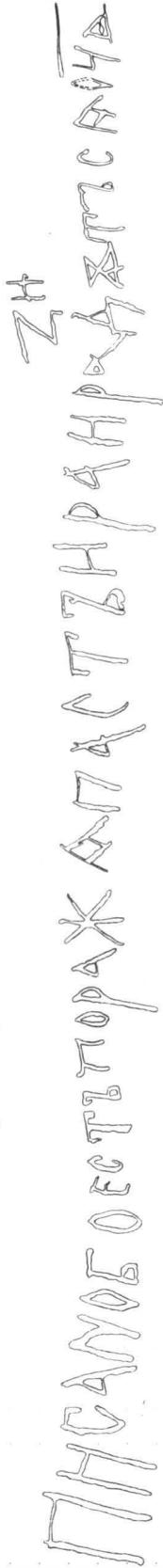
²³ Erik Moltke-Gustav Neckel, *Ein alamanischer Sachs mit Runen?*, в «Germania», 18, 1934, стр. 36—43, табл. VI; Herbert Kuhn, *Die vorgeschichtliche Kunst Deutschlands*, Берлин, Propyläen Verlag, 1935, табл. XVIII, 1; Eduard Beninger, *Die Langobarden als Träger germanischer Schmuckkunst in den Ostalpen, Tracht und Schmuck im nordischen Raum*, I, Лейпциг,

1939, стр. 155, рис. 161. Об этом же вопросе см. F. Adama van Scheltema, *Die altiordische Kunst*, Берлин, 1924, стр. 187—196 и Nándor Fettich, *Archäologische Studien zur Geschichte der spät-hunniischen Metallkunst*, в ArchHung, XXXI, 1951, стр. 142 и след., в особенности стр. 146—147. См. и Л. Р. Кызласов, *Резная костяная рукоятка плети из могилы Ак-кюона (Алтай)*, в KS, XXXVI, 1951, рис. 50—55.

²⁴ Определенис Дарду Николаеску-Плопшора из Отделения антропологических исследований Академии РНР.

²⁵ I. Barnea, *Elemente de cultură materială veche rusească și orientală în așezarea feudală (sec. X—XII) de la Dinogetia (reg. Galați)*, в «Studii și referate privind istoria României», I, Бухарест, 1954, стр. 204—206, с соответственной библиографией, к которой добавляем: Karl Theodor Strasser, *Wikinger und Normannen*, Гамбург, 1928, стр. 106—125.

Рис. 18. — Надпись на западной стене нартекса церковки В 4. (МК. XIV, 27).

ДАНОПОПЫЛЖТЬМЬ
НАХСВѢЩИЧАЛОД
ГАХЗАСВОГРѢХЪН
ДАХИДІЗ НА.ЧЕВСЕН
ЧРКУВНБЗ*ЕВЗН
ЛОИИОУНОЧНДИИЛЬ

ДАХМУТНЬ МАГ

СОЛЯ

Рис. 19. — Надписи, сделанные кирилицей (вверху) и глаголицей (внизу) на одном из столбов алтаря церковки В 4.

РРНЗПНЛ

Рис. 20. — Надпись на северной стене нартекса церковки В 4.

Самые значительные находки — это надписи на каменных памятниках в Басараби. Они представляют пять типов: 1) надписи руническими буквами, еще не расшифрованные, иногда смешанные с кирилицей и глаголицей; 2) надписи кирилицей на старославянском языке; 3) надпись глаголицей; 4) надпись на греческом языке; 5) надпись со смешанными буквами — греческими, кирилицей и арабскими(?)

До сих пор обнаружено свыше 60 рунических надписей; большинство из них вырезаны на стенах и столбах церковок В 1 и В 4, склепа С 1 и надгробных часовен Е3 и Е5. Воспроизведим здесь только несколько (рис. 16). Они отчасти сходны с так называемыми «турецкими рунами» (найденными в Монголии²⁶, а также на юге СССР²⁷ и отнесенными в последнее время к печенегам²⁸), с некоторыми отдельными знаками, обнаруженными на поселениях в Плиске, Мадаре, Преславе и т.д. на территории Болгарии²⁹ и РНР³⁰, и в меньшей степени с руническими надписями на сосудах клада в Сынниклаул Маре (РНР)³¹. Некоторые рунические буквы сходны с германскими³².

Среди надписей кирилицей на старославянском языке две известны с лета 1957 г.; первая — при входе в церковку В 1 — указывает год, когда церковка была вырублена в скале (6500—992), вторая — литургического содержания — находится в притворе той же церковки³³. Во время археологических раскопок 1960 и 1961 гг. была найдена еще дюжина надписей кирилицей, среди которых две на меловых обломках отвалившихся от стен или столбов церковки В 2 (рис. 16/1), а другие на стенах и столбах церковки В 4. Почти все эти надписи носят религиозно-поминальный характер (рис. 16—17). Одна воспроизводит библейский текст (МК. XIV, 27: рис. 18). Другая очень равномерно написанная мелкой кирилицей на одном из столбов, отделяющих алтарь от

²⁶ W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Санкт-Петербург, 1894, стр. 2; С. Е. Малов, *Памятники древнетюркской письменности*, Москва—Ленинград, 1951, стр. 17; Pentti Alto, Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei, «Journal de la Société finno-ougrienne», 60, Хельсинки, 1958, passim.

²⁷ М. И. Артамонов, *Надписи на бакчажских Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища*, в SA, XIX, 1954, стр. 263—268 и А. М. Щербак, *Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону*; там же, стр. 269—282.

²⁸ А. М. Щербак, *Знаки на керамике и кирпичах из Саркела—Белой Вежи*, в МИА, 75 (Труды Волго-Донской Археолог. Экспедиции II), Москва—Ленинград, 1959, стр. 385 и след.

²⁹ «Известия Русского Археолог. Института в Константиноополе», X, 1905, Album, passim; Géza Fehér, *Les monuments de la culture protobulgare et leurs relations hongroises*, в ArchHung, VII, 1931, стр. 151—157; «Madara», I, II София, 1934, 1936, passim; Franz Altheim, *Hunnische Runen*, Галле (на Заале), 1948, рис. 4; V. Beşevliev, *Les inscriptions protobulgares*, в «Byzantium», XXV—XXVII, 1955—1957, стр. 874.; Ив. Гошев, *Старобългарски*,

глаголически и кирилски надписи от IX и X в., София, 1961, рис. 2, 6—22.

³⁰ Istoria României, I, 1960, стр. 760 и библиография на стр. 773, к которой добавляем: C. Bolliac, «Trompetta Carpaților», № 939/9, сент. 1871 г., стр. 4; Gr. Tocilescu, *Dacia înainte de romani*, Бухарест, 1880, стр. 919—934, табл. Maria Comăsa, в «Dacia», N. S., IV, 1960, стр. 395—422 (камни и кирпичи из Слона, с такими же знаками).

³¹ N. Mavrodinov, *Le trésor protobulgare de Nagyszentmiklós*, в ArchHung, XXIX, 1943, стр. 201—206. Недавно была опубликована первая работа, посвященная рунам из Басараби, без их расшифровки: Damian P. Bogdan, *Grafitale de la Basarabi*, в AUB, серия социальные исторические науки, 16 IX, 1961, стр. 35—41.

³² H. Arntz, *Handbuch der Runenkunde*, 2-ое изд., Галле (на Заале), 1944 passim; H. Arntz-H. Zeiss, *Die einheimischen Runendenkmäler des Festlandes*, Лейпциг, 1939, passim.

³³ Damian P. Bogdan, *Приложение к I. Barnea și V. Bilciurescu*, ук. соч., стр. 563; он же, *Grafitale de la Basarabi*, стр. 31—35. Если принять во внимание и букву I(?) в конце строки, указывающей год, то вместо 6500 (=992) будем иметь 6510(=1002).

Рис. 21. — Надпись на западной стене церковки В 4, налево от входа в примыкающий к ней склеп.

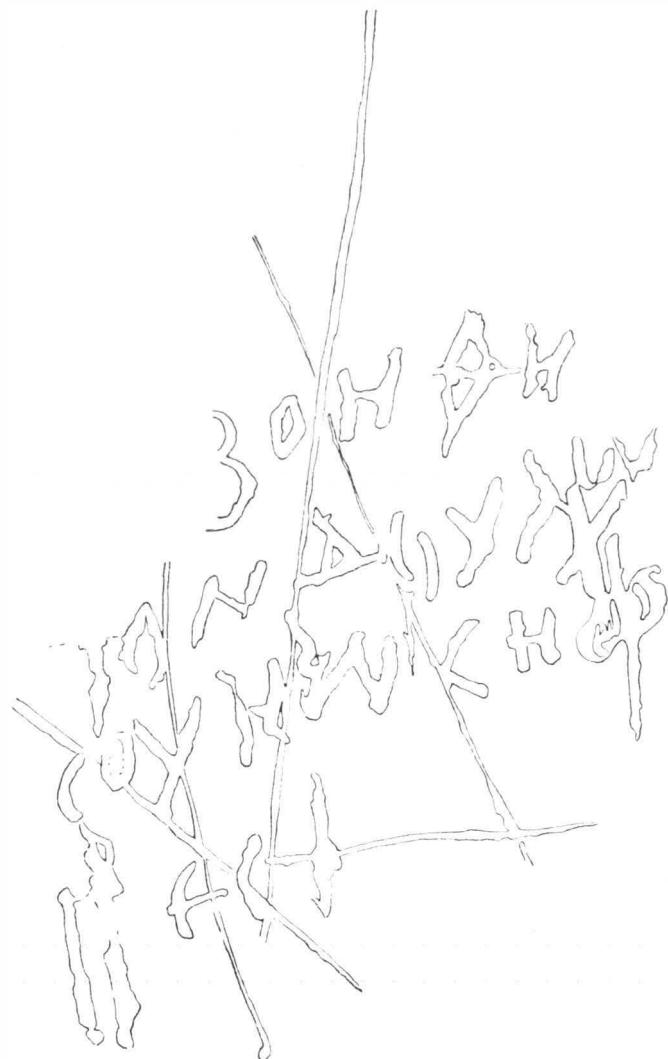

Рис. 22. — Надпись на греческом языке на обломке столба из нефа церковки В 4.

нефа (столб к западу), начинается с имени «Айана священника» (несомненно тюркского происхождения, обращенного в христианство и ставшего священником) и кончается именем «Димиана Мая», может быть того же лица, упомянутого в начале надписи и, по-видимому, бывшего монахом (рис.19). Под этим текстом находится единственная надпись, которая состоит из четырех глаголических букв и, по-видимому, упоминает имя «Или» (рис. 19). Другая надпись, написанная более крупными и не такими ровными буквами, находящаяся на западной стене нефа направо от входа в примыкающий склеп (с которым она и должна быть поставлена в связь), к сожалению, не сохранилась полностью (рис. 17/3). В ней упоминается месяц октябрь, причем разрушилась именно та часть, в которой, по-видимому, указывался год, который мог бы сыграть важную роль в точной датировке памятника, на стене которого была высечена надпись. В надписи, высеченной на северной стороне одного из столбов, отделяющих притвор от нефа церковки В 4 (направо от среднего прохода), фигурирует имя «Неключь Симеон». На небольшом меловом обломке, отвалившемся, по-видимому, от одного из двух центральных столбов, разделяющих неф и притвор, заметны следы двух различных надписей, написанных кирилицей (рис.17/2.) На северной стене притвора той же церковки, направо от входа вырезано границище, по-видимому, имя собственное немецкого происхождения (рис. 20). Отличается от других краткая надпись кирилицей на западной стене той же церковки близ входа в прилегающий склеп, в котором нашли только небольшие остатки человеческого костяка, вероятно перенесенного в другое место. В этой надписи несколько раз повторяется выражение *Не радъ* (рис. 21), с целью своеобразно указать на погребальный характер прилегающего помещения.

Надписи кирилицей на старославянском языке, некоторые упомянутые в них имена, несколько целых сосудов из обожженной глины и многочисленные фрагменты керамики, возможно и изображения трех парусных кораблей — одно на стене налево от входа в погребение 13, а две других на восточной стене галереи Н 3 — указывают на существование в X в. в Басараби народности славянской культуры, говорящей на славянском языке, а именно восточнославянской народности, в которой можно обнаружить даже и некоторые элементы северного влияния³⁴.

Единственная до сих пор обнаруженная надпись на греческом языке сделана на обломке столба, найденного с правой стороны нефа церкови В 4. Содержание ее следующее: [Κύριε] βοήθη τὸν δοῦλον σου Ἰωσήφ (рис. 22). Эта надпись позволяет предполагать, что в Басараби существовало лицо, знакомое с греческой культурой или даже греческого происхождения.

Надпись арабскими (?) буквами вырезана очень острым предметом на правой стене нефа церковки В 4 и расположена наверху, слева от входа в прилегающий склеп (рис. 23)..

³⁴ Constantine Porphyrogenitus, *De administrando imperio*, 9, изд. Gy. Moravcsik-R. J. H. Jenkins, Будапешт, 1949, стр. 56 и след. *Cronica lui Nestor (Izvoarele istoriei românilor)*, изд. G. Popa-Lisseanu, VII, Бухарест, 1935, глава XXI—XXII, XXVI—XXVII, XXXII, XXXVI et passim; Leon Diaconul,

Historia, Бонн, 1828, V, 2, стр. 78, строка 2. См. L. Niederle, *Manuel de l'antiquité slave*, II, Париж, 1926, стр. 49—50 и 256—257; N. S. Derjavin, *Slavii in vechime*, Бухарест, 1949, стр. 118, 209—211 и т. д.

Памятники в мелоразработке в Басараби подтверждают сведения византийских летописцев Цедрена³⁵ и Атталеята³⁶ о существовании в области Нижнего Дуная смешанного населения, говорящего на различных языках³⁷. Такое смешение народностей имело место особенно во время византийского

Рис. 23. — Надпись на западной стене нефа церковки В 4.

владычества в Добрудже. Этот вопрос будет уточнен в ходе дальнейших раскопок; уточнению его будет способствовать и расшифровка еще не прочитанных рунических надписей. Открытие надписи и дальнейшие находки несомненно помогут разрешить многие вопросы о мелоразработке и столь своеобразных, столь и интересных каменных памятниках меловой скалы в Басараби.

ИОН БАРНЯ

³⁵ G. Cedrenos, « Historia », II, Бонн, 1839, стр. 599, строка 21—22.

³⁶ M. Attaleiates, « Historia », Бонн, 1853, стр. 204, строка 19—21.

³⁷ N. Bănescu, *Les duchés byzantins de Paristrion (Paradounavon) et de Bulgarie*, Бухарест, 1946, стр. 77, 91, 100—101.